

Mexhidze Дж.И. Баскские музеи: морская антропология в музеях Бильбао // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014.

Barriola I.M. La Medicina Popular en el País Vasco. San Sebastián: Amigos del País, 1952.

Erkoreka A. Medicina popular en el País Vasco. Bibliografía básica. Cuadernos de Sección Antropología–Etnografía de Eusko. Ikaskuntza 1, 1982.

Erkoreka A. Medicina popular // MUNIBE (Antropologia-Arkeologia). 1990. No. 42.

Erkoreka A. Mal de ojo: una creencia supersticiosa remota, compleja y aún viva // MUNIBE (Antropologia-Arkeologia). Homenaje a Jesús Altuna. 2005/2006. No. 57/3.

Medikuntza eta Zientzia Historiaren Euskal Museoa <<http://www.ehu.es/eu/web/basque-museum-medicine/home>>.

В. Н. Семенова

СПОСОБЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭФИОПСКОЙ ИКОНОГРАФИИ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В России история экспонирования эфиопских вещей начинается в конце XIX столетия — в период наиболее активных внешнеполитических связей между двумя странами. Решающую роль в этом сыграла деятельность отряда Красного Креста, посланного российским императором Николаем II в 1896 г. в Абиссинию для оказания медицинской помощи последней во время войны с итальянцами. Волна интереса к Абиссинии, захлестнувшая столичный Петербург в начале XX в. и выразившаяся в ряде книг, статей, выставок, вызвана теми полевыми наблюдениями, собранием предметов быта, которые привезли русские врачи этого отряда. Коллекции МАЭ РАН, архивные материалы РГО — все это результаты работы русских миссий в Аддис-Абебе начала XX в.

В 1897 г. был выпущен каталог «Абиссинско-санитарно-этнографической выставки», составленной из личных привозов врачей и других участников отряда. Согласно буклету, помещение для выставки было предоставлено Главным управлением Российского общества Красного Креста [Звягин 1897: II]. В III отделе выставки — «Этнографическом» — помимо прочего были представлены портреты эфиопского императора Менелика II и его жены императрицы Таиту, раса Мэконнена в разделе «Абиссинцы».

В специальные разделы также были выделены «Церковные предметы и книги церковные на пергамене в деревянных переплетах» и «Стенные и иконостасные изображения абиссинских храмов». Судьба портретов и изображений, представленных в этих разделах, к сожалению, неизвестна и требует специального архивного исследования. Однако с уверенностью можно сказать, что столь крупная выставка, насчитывавшая 416 экспонатов, привлекла внимание отечественной общественности к далекой христианской стране. В 1903 г. также состоялась выставка абиссинских вещей, предположительно в здании Императорской Академии наук, о чем свидетельствуют фотографии, сохранившиеся в архиве отдела этнографии Африки МАЭ РАН.

В декабре 1907 г. прошла выставка предметов абиссинского быта из собрания С.Э. Сасона и других участников отряда Красного Креста. Она была организована в доме № 59 по Невскому проспекту и включала «церковный отдел», который «дает понятие об абиссинской иконописи, церковной утвари и книгах» [<http://starosti.ru>: Новое время, С.-Петербург, 24 (11) декабря 1907 г. 21.05.2010 г.].

14 (01) июня того же года Санкт-Петербургское телеграфное агентство сообщило, что в Петергофском дворце «драгоценные дары» российскому императору преподнес эфиопский посланник ато Ганно [<http://starosti.ru>: Русское Слово 21.05.2010 г.]. Судьба даров, к сожалению, неизвестна.

Помимо этого в российских газетах с конца XIX в. появляются небольшие заметки, касающиеся Абиссинии и негуса Менелика. Выходит книга журналиста и военного историка Ю.Л. Ельца «Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н.С. Леонтьева» (СПб., 1898), посвященная

пребыванию Н.С. Леонтьева в Эфиопии, издаются дневники поручика А.К. Булатовича [Булатович 1897; 1900], участвовавшего в завоевательных походах императора Менелика II.

К 1910 г. происходит охлаждение отношений между Абиссинией и Россией, прежде всего на государственном уровне. В это время единственным официальным представителем Российской империи в Аддис-Абебе остается А.И. Кохановский. В марте 1910 г. ему были преданы полномочия временного поверенного в делах России в Эфиопии. До этого момента А.И. Кохановский состоял врачом при Российской дипломатической миссии [Хренков 1992: 160]. Приезд нового поверенного в делах, кадрового дипломата Б. Чемерзина и возобновление работы дипломатической миссии не способствовали развитию отношений между двумя странами, поэтому уже к приезду русского поэта Н. Гумилева в конце 1910 г. эти отношения носили скорее формальный характер.

Активная собирательская деятельность Н.С. Гумилева (приобретение коллекций по материальной культуре народов восточной Эфиопии для Кунсткамеры), а также новые творческие успехи, выразившееся в публикации сборников стихов «Шатер» и прочем, при всей популярности в России не смогли «реанимировать» статус прежних отношений между двумя странами. Соответственно, в экспозиционно-выставочной деятельности вплоть до конца 1950-х годов, т.е. до начала активной научно-организационной деятельности заведующего сектором Африки МАЭ РАН члена-корреспондента Академии наук СССР Д.А. Ольдерогге, также наблюдается отсутствие эфиопской тематики.

Тем не менее интерпретация эфиопской иконографии в музейном пространстве с конца XIX до середины XX в. не оставалась неизменной.

Наиболее интересной в этом плане является статья «Искусство Абиссинии» в «Синем журнале» [Синий журнал 1911: 12]. Она помещена вслед за статьей о выставке «Союза молодежи», открывшейся в то время в Петербурге, и приводит снимки картин из собрания Н.С. Гумилева. «Право, по замыслу и технике рисунка и африканцы не только не уступают русским художникам-модерн, но даже превосходят их во многих отношениях», — пишет автор статьи. Сейчас такой вывод автора кажется по меньшей мере наивным и смешным. Однако у такого сравнения есть основание. Сти-

листически, особенно на взгляд неискушенного зрителя, картины из разряда «народной» живописи приближаются к европейскому модерну начала XX в.

Такие приемы изображения, как отсутствие перспективы, фактуры предмета, четко очерченные пространства, заполненные плотными яркими тонами, строгие профили, анфас или линия в $\frac{3}{4}$, нарушение пропорций тела характеризуют искусство «примитивной» или, еще говорят, «наивной» картины. Исторически сложилось, что изучение последней связано с новейшими веяниями в искусстве Западной Европы начала XX в.

Р. Италиандер в 1950-е годы начинал с изучения творчества П. Гогена, бесед с Пабло Пикассо, сюрреализма и в дальнейшем, обратившись к народной картинке Баии, Гаити, Конго, Эфиопии и других экзотических стран, сосредоточил музейно-выставочную деятельность в Музее Раде (1970-е годы), в том числе на «наивном» искусстве современных европейских художников. В сборнике под заглавием «Наивное искусство и фольклор» собраны его статьи по всем перечисленным сюжетам [Italiaander 1977]. В некоторых из них подробно рассмотрены идентифицирующие признаки «наивной» картинки. Выставки, проводимые исследователем во всем мире (США, Европа, Африка, Бразилия, Тайланд), подтверждают сделанное заключение.

Приезд императора Эфиопии Хайле Селласие I в СССР в 1959 г. ознаменовался открытием в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР временной выставки полотен из коллекции А.И. Кохановского (колл. 2594) в рамках постоянной экспозиции сектора Африки того времени. Фоторепортаж визита императора в музей хранится в архиве Кунсткамеры (см., например, К-VI-1-43, 1 ед. хр., 1 ном.: Фотоотпечаток. Посещение Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР императором Эфиопии — Хайле Селласие I. 7 июня 1959 года).

Эта выставка, связанная с приездом императора Хайле Селласие I и профессиональным интересом самого заведующего сектором Африки Д.А. Ольдерогте к Эфиопии, вписывается в общий контекст внимания музейной общественности Европы к художественной традиции этой страны. В подтверждение можно привести пример сотрудничества Р. Италиандера с И.И. Потехиным,

директором Института Африки АН СССР, во время XXV Международного конгресса востоковедов (9–16 августа 1960 г., Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова) и с Д.А. Ольдерогге в 1961–1963 гг. (Ленинград, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого) [Italiaander 1977: 164, 173–174].

Экспонирование эфиопской иконографии в МАЭ РАН имеет давнюю традицию. Первая экспозиция отдела этнографии Африки открылась в 1889 г. и занимала часть зала на втором этаже в здании по Таможенному переулку наряду с коллекциями из России, Азии и Австралии. Отдел Африки, размещенный после Австралии, был представлен коллекциями В.В. Юнкера, выставившимися полностью [Пугач 1985: 27–28]. Обстоятельный материал по африканской экспозиции Музея антропологии и этнографии дает путеводитель, составленный Я.В. Чекановским (издание 1912 г. и второе, дополненное, 1919 г.).

Принцип организации выставочного пространства был выбран культурно-географический: Западная Африка, Южная Африка, Восточная Африка, Абиссиния и полуостров Сомали, Нилоты, Центральный Судан, Арабско-египетская полоса, Западный Судан. Абиссинии посвящены два шкафа — № 22, 23 (коллекции Гудзенко, Леонтьева, Кохановского и др.) и № 24, 25 (оружие). Правда, предметов эфиопской художественной традиции, за исключением Евангелия в кожаном переплете, здесь нет. Автор также перечислил дарителей.

На тот момент в активе музея числились нилотские и конголезские коллекции В.В. Юнкера (1879 г.), южноафриканские Э. Голуба (1894 г.), бенинская бронза Г. Мейера (1900 г.), хаусанские вещи от Е. Александра (1909 г.), эфиопские коллекции Н. Леонтьева (1895 г.), А. Гудзенко (1897 г.), А. Мягкова (1905 г.), доктора А.И. Кохановского (1913 г.) [Чекановский 1919]. Последние оказались вписаны в контекст культурно-хронологического и антропологического изучения Африки, представляя ее материальную и духовную культуру во всем многообразии традиций. Эта же линия выдержана в последующих выставочных презентациях африканских коллекций музея.

Зал на первом этаже Кунсткамеры был отведен для экспозиции отдела Африки в 1925 г. Экспозиция просуществовала до 1935 г.

В 1935 г., в год начала итало-абиссинской войны, в зале была открыта абиссинская выставка, по которой Д.А. Ольдерогге составил краткий путеводитель [Ольдерогге 1935]. Экспозиционно-выставочный план также предусматривает презентацию предметов художественного достоинства совместно с предметами утилитарного назначения — земледельческие орудия, ткачество, утварь крестьянского дома, музыкальные инструменты.

Галерею картин, в основном из собрания А.И. Кохановского (колл. 2594 и 4055), открывает изображение «классовой структуры феодальной Эфиопии» [Ольдерогге 1935: 25]. Акцент сделан на картинах, представляющих императорскую семью и вельмож, историю Абиссинии Менелика (картина № 40 изображает один из мятежей феодалов против центрального правительства, а картина № 41 — битву при Адуа [Ольдерогге 1935: 26–27]).

Этот ряд продолжают картины, «изображающие различные сказания и легенды» [Ольдерогге 1935: 28]: Дерево мира, сюжет о покорении высоты Небесной Александром Македонским и другие холсты из коллекции 2594. В сопроводительных текстах к этим изображениям Д.А. Ольдерогге говорит о роли монастырей в общественном устройстве средневековой Эфиопии, но тема иконописных сюжетов, а тем более момент какой-либо оценки художественного достоинства эфиопской иконографии отсутствует. Церковная утварь занимает отдельный шкаф, которому в путеводителе посвящено несколько строк общего характера. Таким образом, тогда преобладал этнографический подход к экспонированию и интерпретации предметов, во-первых, христианского культа и, во-вторых, художественного достоинства. Правильнее будет даже сказать, марксистско-социалистический.

Обновленная экспозиция «Народы Африки южнее Сахары» 1964 г., созданная также под руководством профессора Д.А. Ольдерогге и просуществовавшая без изменений до 2007 г., представляла культуру Эфиопии в рамках этнографии всей Африки, т.е. экспонаты демонстрировались с точки зрения истории материальной культуры. Основной раздел был посвящен различным видам занятий населения: земледелию, кузнечному ремеслу, ткачеству, плетению, резьбе и др. Отдельное выставочное пространство было организовано под тему «Коллекции русских путешественников по

Эфиопии» [Голованова, Акишева, Калиновская 1964: 107–108]. Экспонаты представляли культуру Эфиопии с точки зрения истории коллекционного собирательства, т.е. по сути продолжали традицию первых абиссинских выставок конца XIX — начала XX в. Художественная традиция Эфиопии здесь представлена не была.

Ее образцы были выставлены на новой экспозиции в зале Африки, открытой в 2007 г. Она построена по традиционной схеме: экспонаты сгруппированы по темам и расположены в логической последовательности. В продолжение экспозиционно-выставочных традиций сектора Африки, много лет возглавляемого профессором Д.А. Ольдерогге, шкафы и витрины построены по принципу класса предмета: утварь, земледелие, гончарство и т.п. Обряды и прочие трудовые процессы, в рамках которых «живет» предмет в своей культуре, послужили тематической основой для создания таких рубрик, как «Ритуальное оружие», «Власть», «Культ плодородия», «Военные деспотии» и т.п. Впервые с начала XX в. сформированы шкафы, представляющие географические регионы как историко-культурные области: Эфиопия, Западный Судан, Верхняя Гвинея, Центральная Африка. Образцы эфиопской иконографии также впервые представлены в отдельном шкафу как произведения художественной традиции, специфичной для отдельной страны — христианской Эфиопии. Большая часть собрания хранится в фондах (58 экспонатов), на нынешней экспозиции представлена лишь небольшая часть.

В МАЭ РАН хранится значительная по объему и художественной ценности коллекция произведений эфиопской сакральной живописи, которая используется в научной, экспозиционной и просветительской деятельности музея.

Главное отличие экспонирования образцов эфиопской художественной традиции в отечественной культуре от принятых в европейской музейной культуре стандартов заключается в чисто африканистическом подходе к предмету, когда предмет научно интерпретируется и оказывается вписанным в определенную концепцию, призванную «открыть» предмет или культурный феномен, стоящий за предметом, для посетителя.

В конце XIX в. это был подход, основанный на стереотипах экзотического восприятия «туземных» культур, укоренившихся

в сознании европейцев со второй половины XIX в. С аналогичной точки зрения выставлялись эфиопские вещи в пространстве Петербурга рубежа XIX–XX вв., о чем точно написал Н.С. Гумилев, обозначив последние как «дикарские вещи». В течение XX в. восприятие предметов эфиопской материальной и духовной культуры (иконы, рукописи, кресты, церковная утварь) в России принципиально изменилось. Исторически сложившаяся тесная взаимосвязь коллекционной и научной базы африканистики в рамках МАЭ РАН¹ привела к концептуальному взгляду на предмет, будь то эфиопская икона, хаусанский амулет или обычная деревянная ложка ньямвези.

Библиография

Булатович А.К. От Энтото до реки Баро. Отчет о путешествии в юго-западные области Эфиопской империи в 1896–1897 гг. СПб.: тип. В. Кирбаума, 1897.

Булатович А.К. С войсками Менелика 2-го. Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа. СПб.: тип. т-ва худож. печати, 1900.

Голованова И.П., Акишева З.П., Калиновская К.П. Новые экспозиции в Музее антропологии и этнографии // Вестник Академии наук СССР (отдельный оттиск). М., 1964. 12. С. 106–108.

Звягин К.С. Каталог Абиссинско-санитарно-этнографической выставки. СПб.: Государственная типография, 1897.

Ольдерогге Д.А. Выставка абиссинских коллекций (краткий путеводитель). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1935.

Пугач З.Л. Культура народов Верховьев Нила. М.: Наука, 1985.

Синий журнал. 1911. № 18. 23 апреля.

Хренков А.В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 года). М.: Институт Африки РАН, 1992.

Чекановский Я.В. Путеводитель по Музею Антропологии и Этнографии имени Петра Великого. Этаж II. Зал 3. Африка. Пг.: тип. Российской Академии Наук, 1919.

Italiaander R. Naive Kunst und Folklore. Oberalster: Edition Museum Rade, 1977. 174 s.

¹ Другие музеи страны обладают единичными предметами африканской культуры. Научное изучение Африки также тесно связано с Петербургом: это Восточный факультет, МАЭ РАН и Институт восточных рукописей.

Интернет-ресурсы

<http://starosti.ru>. Сайт «Газетные старости» // Хроника. 21.05.2010 г. Используются статьи: Газета «Новое время», С.Петербург, 24 (11) декабря 1907 г.; Газета «Русское Слово» 14 (01) июня 1907 г.

А. Ю. Сиим (Москвитина)

АФРОБРАЗИЛЬСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ПРЕДЕЛЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ¹

Роль традиций африканских народов и собственно афробразильцев в культуре Бразилии на протяжении всей ее истории трудно переоценить. Тема афробразильской креольской идентичности и обращения к ее африканским корням многосторонне раскрывается и постоянно обновляется в различных музейных пространствах. В центре афробразильского мира — штате Баия и его столице Салвадор-да-Баия — помимо музеев, посвященных непосредственно афробразильской культуре, практически любой исторический памятник интерпретируется в связи с ней; далее об этом будет рассказано подробнее. В крупнейшем городе страны Сан-Паулу концепция «африканской Бразилии» представлена уже на национальном уровне в грандиозном по масштабу муниципальном музее, который так и называется — Museu Afro Brasil. Как отдельные сюжеты Африка и африканская Бразилия возникают в лингвистическом и этнографическом контексте в Музее португальского языка (Museu da Lingua Portuguesa) и университетском Музее археологии и этнологии (Museu de Arqueologia e Etnologia da USP). Причем на обеих экспозициях представлены очень похожие подборки материалов, т.е. в национальной музеологической традиции сложились устойчивые ряды предметов, стандартно символизирующих культурный вклад определенных африканских народов и самих афробразильцев.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-06-00794 «Сегрегация и капсуляция как механизмы формирования кастоподобных этносоциальных общностей».